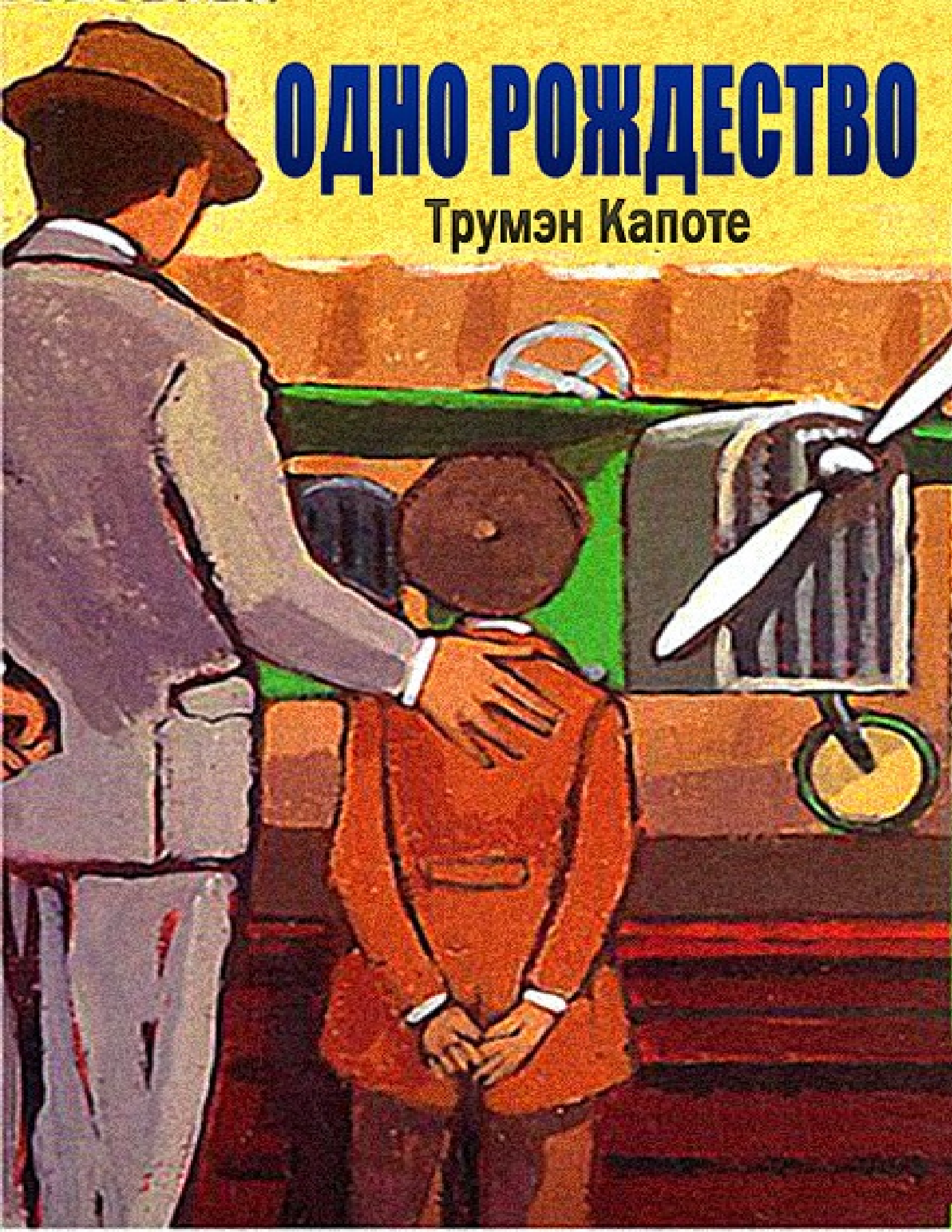

ОДНО РОЖДЕСТВО

Трумэн Капоте

Annotation

"Одно Рождество" — поздняя проза Трумена Капоте. Рассказ опубликован в 1982 году, за два года до смерти писателя. Пик славы Капоте, автора "Других голосов, других комнат", и "Луговой арфы", одного из королей нью-йоркского света, острослова, законодателя мод, устроителя знаменитого черно-белого бала, пришелся на шестидесятые. О периоде, когда был написан этот рождественский рассказ, друзья писателя вспоминают, что Капоте жил одиноко, и любимым его занятием было разглядывать портреты светских красавиц и определять (с поразительной точностью!) сколько раз каждая из них выходила замуж.

[b](Дмитрий Волчек, 1998 год)[/b]

- [Трумен Капоте](#)
 -
-

Трумен Капоте

Одно Рождество

Сначала краткий автобиографический пролог. Моя мать, женщина исключительной интеллигентности, была первой красавицей Алабамы. Это говорили все, и так оно и было. Когда ей исполнилось шестнадцать, она вышла замуж за двадцативосьмилетнего бизнесмена из хорошей новоорлеанской семьи. Брак продлился год. Мама была слишком юной, чтобы стать матерью и женой; кроме того, она хотела поступить в колледж и сделать карьеру. Так что она бросила мужа, а меня оставила в Алабаме на попечение своей большой семьи.

Годы шли, и я редко видел родителей. Отец жил в Новом Орлеане, а мать, окончив колледж, принялась завоевывать Нью-Йорк. Что до меня, особой печали я не испытывал. Я жил счастливо. У меня было много родственников — тетушек, дядюшек, кузин, а главное — кузина Сук, пожилая, седая, болезненная женщина. Мисс Сук Фок. У меня были и другие друзья, но она была лучше всех.

Именно Сук рассказала мне о Санта Клаусе, его пышной бороде, красном одеянии и звенящем, полном подарков мешке, и я поверил ей так же, как верил, что все во власти Бога или, как говорила Сук, Всевышнего. Поранил ли я палец, упал с лошади или поймал в заводи увесистую рыбу — все равно, хорошо это было для меня или плохо — на то была воля Всевышнего. Именно так и сказала Сук, получив жуткое известие из Нового Орлеана: мой отец приглашал меня отпраздновать Рождество вместе с ним.

Я заплакал. Я не хотел ехать. Я ни разу не выезжал из маленького городка, вокруг которого простирались леса, фермы, реки. Всякий раз, когда я ложился спать, Сук гладила меня по голове, целовала и желала доброй ночи. К тому же я боялся всего незнакомого, а отец был именно незнакомцем. Я несколько раз видел его, но совершенно не помнил, не мог даже сказать, как он выглядит. Но, как сказала Сук: "Это воля Всевышнего. И кто знает, Бадди, может быть, ты увидишь снег".

Снег! До тех пор, пока я не научился читать сам, Сук читала мне вслух много сказок, и во всех был снег — танцующие, ослепительные, волшебные снежинки. Я мечтал о них, как о чем-то чудесном и загадочном, мне хотелось увидеть их, почувствовать, потрогать. Конечно же, ни мне, ни Сук это не удавалось — ведь мы жили в жаркой Алабаме. Не знаю, почему

она решила, что я увижу снег в Новом Орлеане — ведь там еще теплее. Понятия не имею. Скорее всего, она просто хотела вдохновить меня на эту поездку.

Я получил новый костюм, к его лацкану была пришпилена, на случай, если я потеряюсь, карточка с моим именем и адресом. Как видите, мне предстояло путешествовать одному. На автобусе. Все решили, что в случае чего эта карточка вызволит меня из беды. Все, кроме меня. Я был напуган до смерти. И зол. Зол на своего отца, этого незнакомца, который вынудил меня покинуть дом и провести Рождество вдали от моей кухни.

Мне предстояло проехать четыреста миль или что-то вроде этого. Первая остановка — Мобиль. Там я пересел на другой автобус и поехал дальше и дальше по болотистым равнинам и по берегу океана, пока не оказался в шумном городе звенящих трамваев, битком набитом опасными людьми иностранного вида.

Это и был Новый Орлеан.

Как только я вышел из автобуса, какой-то человек внезапно схватил меня на руки так, что у меня захватило дух — этот высокий, симпатичный человек и смеялся, и плакал. Он спросил: "Ты меня не узнаешь? Не узнаешь своего папочку?"

Я не произнес ни слова. И только потом, когда мы уже ехали в такси, спросил: "А где же?.."

— Наш дом? Недалеко.

— Нет, не дом. Нет. Снег.

— Какой снег?

— Я думал, тут будет много снега.

Он посмотрел на меня удивленно, потом рассмеялся: "В Новом Орлеане никогда не бывает снега. На моей памяти, по крайней мере, не было. Но слушай — слышишь гром? Скоро пойдет дождь".

Даже не знаю, что напугало меня больше: гром, зигзаги молний или отец. Вечером, когда я ложился спать, дождь лил по-прежнему. Я помолился, чтобы поскорее вернуться домой к Сук. Я не знал, как уснуть, раз Сук не поцеловала меня на ночь. Я так и не заснул и принялся воображать, что принесет мне Санта Клаус. Я хотел нож с перламутровой рукояткой. Или набор ножовок для пилы. Ковбойскую шляпу и лассо. И винтовку, чтобы стрелять воробьев. (Через несколько лет, когда мне досталось ружье, я убил пересмешника и белогрудку. Никогда не забуду, какое меня охватило раскаяние. С тех пор я больше никого не убивал, а каждую пойманную рыб бросал обратно в воду). Еще я хотел коробку цветных карандашей. А больше всего — радиоприемник, но я знал, что это

невозможно: среди моих знакомых не набралось бы и десяти человек, у которых он был. Ведь была Депрессия, и на Дальнем Юге редко в каком доме можно было увидеть приемники и холодильники.

У моего отца было и то, и другое. Казалось, у него было все — машина с откидными сидениями, старинный розовый особняк во французском квартале — балконы с кружевными решетками и потайное патио с клумбами и фонтаном-русалкой. У него было полдюжины, да что там — десяток знакомых дам. Как и мать, отец вторично не женился, но оба были окружены поклонниками, и по своей воле или нет, неоднократно проходили весь путь к алтарю — отец, сказать точно, прошел этот путь шесть раз.

Так что, как видите, он был человек обаятельный и очаровывал многих — всех, кроме меня. Это оттого, что он постоянно смущал меня, таская за собою всюду, куда бы ни пошел — к банкиру ли, к парикмахеру, брившему его ежедневно... И, конечно, к своим подругам. И самое худшее, без устали он тискал меня, целовал и хвастливо рассказывал обо мне всем подряд. Я был немало сконфужен. Во-первых, хвастаться было нечем. Я был настоящим деревенским парнишкой. Я верил в Иисуса и наивно молился. Я знал, что существует Санта Клаус. А дома, в Алабаме, круглый год ходил босиком, надевая ботинки разве что в церковь.

Настоящей пыткой было таскаться по улицам Нового Орлеана в туго зашнурованных, чертовски горячих и тяжелых башмаках. Не знаю, что было хуже — ботинки или еда. Я привык есть цыплят, зелень, горошек, кукурузный хлеб и прочие милые вещи. А эти рестораны Нового Орлеана! Никогда не забуду свою первую устрицу — этот кошмар, скользкий по горлу: минули годы, прежде чем я притронулся к ним снова. Что же до прямой креольской кухни — из-за нее я чуть не заработал разрыв сердца. Нет, господа, мне больше по душе только что испеченные бисквиты, парное молоко и домашнее варенье.

Бедный отец и не подозревал, как скверно мне было: отчасти оттого, что я не подавал виду, и конечно же ни слова не говорил, отчасти потому, что, несмотря на протесты матери, он получил юридическое разрешение держать меня у себя все это Рождество.

Как-то он спросил: — Скажи по правде, не хочешь ли остаться со мной в Новом Орлеане?

— Я не могу.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Меня ждет Сук. И Квини, мой любимый маленький терьер.

— Но ведь ты меня любишь? — сказал он.

Я ответил "да", но, по правде, кроме Сук, Квини, нескольких кузин и

висящей над кроватью фотографии матери, ни к кому любви не испытывал.

Вскоре случилось чудо. Накануне Рождества, когда мы гуляли по Кенел-стрит, я замер на месте, заметив волшебную вещь в витрине магазина игрушек. Это была модель самолета с велосипедными педалями, достаточно большая, чтобы в ней сидеть. Самолет был зеленый с красным пропеллером. Я решил, что если очень быстро крутить педали, он поднимется и полетит! Вот это здорово! Я увижу, как мои кузины стоят на земле, пока я летаю среди облаков. А этот цвет! Я смеялся, смеялся, смеялся. Это была первая вещь, которая чуть примирила меня с отцом, хотя он и не знал, почему я смеюсь.

Ночью я молился, чтобы Санта Клаус принес мне самолет.

Отец купил елку, и мы довольно долго ее украшали. Тут я совершил оплошность. Под елку я поставил мамину фотографию. Когда отец увидел ее, он побелел и задрожал. Я не знал, что делать. Но он нашел выход. Он пошел в кабинет и принес бутылку и высокий бокал. Бутылку я узнал, потому что у моего дяди в Алабаме было много таких. "Лунный свет". Он наполнил бокал и выпил залпом. После этого фотография все равно что исчезла.

Итак, я ждал сочельника и волшебного появления Санты. Конечно, я никогда не видел воочию толстого, шумного, увешанного колокольчиками гиганта, проваливающегося в дымоход и раскладывающего подарки под елкой. Мой кузен, Билли Боб, коротышка, но страшно умный, сказал, что это все вранье, нет такого существа.

"Экий бред! — сказал он. — Верить, что есть Санта Клаус все равно, что думать, что мул это лошадь". Этот разговор происходил у нас во дворе. Я сказал: "Санта Клаус есть, потому что все, что он делает, это воля Всевышнего, а воля Всевышнего и есть правда". А Билли Боб, сплюнув на землю, двинулся прочь: "Ну вот, еще один проповедник выискался".

Накануне Рождества я всегда старался не спать. Я хотел услышать гордую поступь северного оленя на крыше и быть наготове у камина, чтобы пожать руку Санта Клаусу. В эту ночь не спать было проще простого.

В трехэтажном доме отца было семь комнат; некоторые огромные, особенно три, выходившие на патио: гостиная, столовая и "музыкальная" комната, где танцевали и играли в карты. Два верхних этажа были украшены решетчатыми балконами: темно-зеленые железные завитушки были увиты плющом и пышными гроздьями алых крестовидных орхидей — казалось, ящерицы высовывают красные язычки. Особняк был отделан безупречно: лакированные полы, тут немного кружев, там чуть-чуть бархата... Его можно было назвать домом богача, но, вернее, это был дом

человека с природной страстью к изящному. Для бедного (но счастливого) босоногого мальчишки из Алабамы было полной загадкой, как удастся воплотить такую страсть.

Но это не было тайной для моей матери, которая после окончания колледжа использовала все свое очарование, чтобы отыскать в Нью-Йорке жениха, способного позволить квартиру в Саттон-плейс и соболиные шубы. Нет, причина благополучия моего отца была ей хорошо известна, но она никогда не упоминала об этом, кроме одного-единственного раза, много лет спустя с тех пор, когда жемчуг впервые обвинил ее укутанную соболиным мехом шею.

В тот раз она приехала навестить меня в снобскую школу в Новой Англии (мое обучение оплачивал ее богатый и великодушный муж). Какие-то мои слова вывели ее из себя и она закричала: "Так ты не знаешь, на что он живет? Эти яхты и круизы в Грецию? Да он альфонс! Только подумать, сколько их у него было. Все вдовы. Все богатые. Очень богатые. И все старше его. Слишком старые, чтобы выйти за молодого. Вот почему ты — его единственный ребенок. И вот почему у меня нет больше детей — я была слишком юной, чтобы рожать, но он ведь зверь, он меня разбил, искалечил..."

Куда б я ни пошел, все смотрят на меня... Луна, луна над Майями... Все это в первый раз, так, милый, будь нежней... Эй, парень, разменяй монету!.. Куда б я ни пошел, все смотрят на меня...

Пока она говорила (а я старался не слушать, ведь слова о том, что мое рождение искалечило ее, болезненно отзывались во мне), слова этих песенок — или какие-то похожие — крутились у меня в голове, напоминая о странной вечеринке, устроенной моим отцом в ту рождественскую ночь.

Патио и три больших комнаты были наполнены свечами. Многие приглашенные собрались в гостиной, где елка блистала в мягком свете камина, но большая часть танцевала под граммофон в музыкальной комнате и патио. После того, как меня представили всем гостям, я отправился к себе наверх, но с террасы, на которую выходила моя спальня, мог видеть всю вечеринку, разглядеть всех танцующих. Я видел, как мой отец вальсирует вокруг бассейна, окружавшего фонтан с русалкой, с изящной дамой. Да, она была изящной, и ее серебристое платье переливалось в пламени свечей, но она была старой, как минимум на десять лет старше отца. А ему было тридцать пять.

Внезапно я понял, что мой отец младше едва ли не всех собравшихся. Очаровательные дамы были ничуть не моложе хрупкой плясуньи в серебристом платье. Что же до мужчин — почти все курили душистые

гаванские сигары — больше половины из них годились моему отцу в отцы.

Поначалу я не поверил своим глазам, когда увидел, как отец и его пожилая партнерша незаметно подобрались к нише, укрытой тенью алых орхидей, и там застыли в поцелуе. Я был настолько испуган, настолько разгневан, что бросился в спальню, нырнул в постель и натянул на голову покрывало. Что понадобилось моему молодому симпатичному отцу от этой старухи?! И почему все эти люди не идут домой ждать Санта Клауса? Несколько часов я лежал без сна, ожидая, когда они разойдутся и, когда отец распрощался с последним гостем, я услышал, как он поднимается по лестнице и входит в комнату взглянуть на меня; но я притворился спящим.

Заснуть я уже не мог. Меня подняли с кровати шаги отца на лестнице, его тяжелое дыхание. Я решил подсмотреть за ним. Я притаился на балконе в тени плюща. С этого места я видел гостиную, елку и камин, в котором еще тлели угли. Больше того — я увидел отца. Он ползал под елкой, раскладывая свертки. Обтянутые пурпурной, красной, золотой, белой и голубой бумагой, они шуршали, пока он их перекладывал. Голова у меня закружилась — все было ясно. Если это подарки, предназначенные для меня, значит они не посланы Богом и не принесены Санта Клаусом; нет, это вещи, купленные и запакованные моим отцом. Все это означало, что мой смысленный маленький кузен Билли Боб и испорченные мальчишки вроде него не врали, когда смеялись надо мной и говорили, что Санта Клаус не существует. И самая грустная мысль: неужели Сук знала правду и обманывала меня? Нет, Сук никогда меня не обманет. Она верила. Именно так — несмотря на свои шестьдесят с лишним, во многом она была еще большим младенцем, чем я.

Я дождался момента, когда отец закончит свою возню и задует последние свечи. Я подождал еще немного, чтобы убедиться, что он заснул. Тогда я тихонько спустился в гостиную, где еще сохранился аромат гардений и гаванских сигар.

Я сидел и думал: надо сказать Сук правду. Ярость, необычайной силы злость бурлила во мне; она не была направлена против отца, хотя он и стал ее жертвой.

Когда рассвело, я стал разглядывать ярлычки, приделанные к сверткам. Все они гласили "Для Бадди" и лишь один "Для Евангелины". Евангелиной была старая негрятка, день-деньской пившая кока-колу и весившая триста фунтов. Она служила у отца экономкой. Я решил раскрыть подарки — то ж, уже рождественское утро, я на ногах — почему бы и нет? Не стану описывать — что там было: рубашки, свитера и прочие невеселые вещи. Меня обрадовал только пистолет, стрелявший пистонами. Почему-то мне

показалось забавным разбудить отца стрельбой. Это я и сделал. Пух. Пух. Пух.

Он выскочил из своей комнаты, дико на меня глядя.

Пух. Пух. Пух.

— Бадди, черт возьми, что ты делаешь?

Пух. Пух. Пух.

— Прекрати!

Я засмеялся: — Смотри, папа. Смотри, какие замечательные вещи мне принес Санта Клаус.

Умиrotворенный, он спустился в гостиную и обнял меня.

— Тебе нравится то, что принес Санта Клаус?

Я улыбнулся ему. Он улыбнулся мне. Воцарилось нежная тишина, прерванная моими словами: "Да. А что подаришь мне ты, папа?" Его улыбка испарилась. Он сощурился удивленно, видимо пытаюсь разгадать соль моей шутки. Затем покраснел, словно стыдясь своих мыслей. Потом погладил меня по голове, кашлянул и сказал: "Знаешь, я подумал, стоит подождать, чтобы ты сам выбрал. Ты хочешь что-нибудь конкретное?"

Я напомнил ему про аэроплан, который мы видели в витрине магазина игрушек на Кенел-стрит. Его лицо вытянулось. Да, конечно, он помнит аэроплан и его безумную цену. Как бы то ни было, на следующее утро я уже сидел в аэроплане, представляя, как он взлетает в облака, а мой отец тем временем выписывал чек довольному торговцу. Были какие-то доводы в пользу того, чтобы послать аэроплан в Алабаму пароходом, но я был непреклонен: аэроплан должен быть со мной в автобусе, на котором я уезжаю сегодня в два часа. Торговец позвонил в автобусную компанию, и вопрос был улажен.

Но я еще не совсем отделался от Нового Орлеана. Проблема заключалась в большой серебряной бутылки "Лунного света"; скорее всего, из-за моего отъезда, а может еще почему, — как бы то ни было, отец целый день от нее не отрывался, а в такси на пути к автобусу напугал меня, стиснув мне руку и хрипло забормотав: "Я тебя не отпущу. Я не могу отпустить тебя к этой психованной семье в их сумасшедший дом. Только подумать, чем они забивают тебе голову. Ребенку шесть, уже почти семь лет, а он говорит про Санта Клауса. Это все они виноваты, все эти кислые старые девы со своими библиями и спицами, все эти пьяницы-дяди. Послушай же, Бадди, Бога нет! Нет Санта Клауса". Он больно сжал мне руку. "Боже мой, порой мне кажется, что нам обоим, мне и твоей матери, лучше было бы покончить с собой..." (На деле, он так и не покончил с собой, а вот мать тридцать лет назад отравилась снотворным). "Поцелуй

меня. Прошу тебя. Пожалуйста. Поцелуй меня. Скажи папочке, что ты его любишь". Но я не мог говорить. Я страшно боялся опоздать на автобус. И я боялся за аэроплан, привязанный сверху к нашему такси. "Скажи "я тебя люблю". Скажи. Пожалуйста, Бадди. Скажи".

К счастью, наш таксист отказался милосердным человеком. Потому что, если бы не он, не проворные носильщики и дружелюбный полицейский, не знаю, что и случилось бы, когда мы добрались до места. Отец так напился, что с трудом стоял на ногах. Но полицейский поговорил с ним, успокоил, придержал, а таксист взялся отвезти его домой. Но отец не ушел, пока не убедился, что меня усадили в автобус.

Оказавшись в автобусе, я рухнул на сиденье и закрыл глаза. Я ощущал странную боль. Страшную боль во всем теле. Я думал, что если сниму тяжелые городские ботинки, эти орудия пытки, мне станет легче. Я снял их, но загадочная боль не исчезла. Так и осталась со мной.

Через двенадцать часов я уже был дома в постели. Сук сидела возле меня в качалке — звук ее движения напоминал шум прибора. Я попытался рассказать ей, что произошло, но, не договорив, заплакал, как-то по-собачьи заскулил.

Она погладила меня по голове. "Конечно, Санта Клаус есть. Но один человек не может выполнить всю его работу. Вот почему Господь распределил его обязанности между всеми. Вот почему каждый из нас — Санта Клаус. И я. И ты. Даже твой кузен Билли Боб. А теперь спи. Сосчитай звезды. Подумай о чем-нибудь спокойном. Подумай о снеге. Жаль, что ты его так и не видел. Но сейчас снег идет среди звезд..." Звезды замигали, снег закружился в моей голове; последнее, что я помню, это мирный голос Всевышнего, говорящий мне, что я должен делать. На следующий день я так и поступил. Я пошел с Сук на почту и купил открытку за пенни. Эта открытка сохранилась и по сей день. Я обнаружил ее в шкапулке отца, когда он умер в прошлом году. Вот что я написал: *Привет пап как ты у меня все хорошо я учусь водить самолет так быстро что скоро буду в небесах смотри не пропусти и да я люблю тебя Бадди.*

[1982]

Table of Contents

[Трумен Капоте Одно Рождество](#)